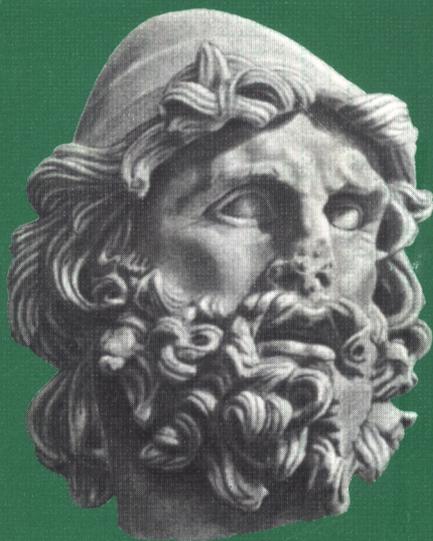


# ОДИССЕЙ



2009

**Путешествие как историко-культурный феномен**

**Время и exempla**

**Средневековые визионеры  
и визионерская литература**

**Террор Ивана Грозного  
в культурно-символической  
интерпретации**

**НАУКА**

УДК 94  
ББК 63.3(0)  
ОЕ-42

Издание основано в 1989 году

Главный редактор  
А.О. ЧУБАРЬЯН

Редакционная коллегия:

Л.М. БАТКИН, Г.В. БОНДАРЕНКО, И.Г. ГАЛКОВА,  
И.Н. ДАНИЛЕВСКИЙ, Б.С. КАГАНОВИЧ, О.Е. КОШЕЛЕВА,  
К.А. ЛЕВИНСОН, С.И. ЛУЧИЦКАЯ (составитель и зам. главного редактора),  
С.В. ОБОЛЕНСКАЯ, А.А. ПАНЧЕНКО, М.Ю. ПАРАМОНОВА, Л.П. РЕПИНА,  
А.В. ТОЛСТИКОВ (ответственный секретарь), П.Ю. УВАРОВ,  
Д.Э. ХАРИТОНОВИЧ, А.Л. ЯСТРЕБИЦКАЯ

Редакционный совет:

Ю.Н. АФАНАСЬЕВ, ВОЙЦЕХ ВЖОЗЕК, НАТЛИ ЗЕМОН ДЭВИС,  
Вяч. Вс. ИВАНОВ,  
Жак Ле ГОФФ, Ж.-К. ШМИТТ,  
О.Г. ЭКСЛЕ, М. ЭМАР

Рецензенты:

доктор исторических наук И.Г. КОНОВАЛОВА,  
доктор исторических наук С.И. ДАНЧЕНКО

**Одиссей : человек в истории** / Ин-т всеобщ. истории. – М. : Наука, 1989–.

**2009** : Путешествие как историко-культурный феномен / [гл. ред. А.О. Чубарьян]. – 2010. – 000 с. – ISBN 978-5-02-037586-4.

Главная тема выпуска – феномен путешествий в разных культурах, его роль в социальной, интеллектуальной, религиозной и других сферах жизни. Представлены материалы о разных типах путешествий (паломничество, миссия, исследовательское путешествие), охватывающие период от античности до XX века. Обсуждаются вопросы межкультурных коммуникаций в ходе путешествия, статуса и образа путешественника в разных культурах, семантики и поэтики рассказов о путешествиях. Также в сборнике представлены статьи о времени в средневековых проповеднических притчах (exempla). Для историков, историков культуры, студентов, специалистов-гуманитариев и более широкого круга читателей. О средневековых представлениях о страшном суде и другие материалы. Публикуются рецензии на новые издания по истории, вышедшие в России и за рубежом.

Для историков, историков культуры, студентов, специалистов в области гуманитарного знания и более широкой аудитории.

По сети “Академкнига”

ISBN 978-5-02-037586-4

- © Институт всеобщей истории РАН, 2010
- © Лучицкая С.И., составление, 2010
- © Коллектив авторов, 2010
- © Российская академия наук и издательство “Наука”, продолжающееся издание “Одиссей. Человек в истории” (разработка, оформление), 1989 (год основания, 2010)
- © Редакционно-издательское оформление. Издательство “Наука”, 2010

## СОДЕРЖАНИЕ

### ПУТЕШЕСТВИЕ КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕР

*А.В. Толстиков, О.Е. Кошелева*

НОМО VIATOR.....

*А.В. Подосинов*

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО АНТИЧНОЙ ОЙКУМЕНЕ: О ПРИНЦИПАХ ОРГАНИЗАЦИИ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ В “ХОРОГРАФИИ” ПОМПОНИЯ МЕЛЫ .....

*Ф.Д. Прокофьев*

PEREGRINATIO В ОКЕАНЕ: АЛЛЕГОРИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ В “ПЛАВАНИИ СВЯТОГО БРЕНДАНА” .....

*Т.Н. Джаксон*

ХОЛЬМГАРДСФАРИ, ИЛИ ТУДА И ОБРАТНО .....

*С.И. Лучичкая*

ПУТЕШЕСТВИЕ В СВЯТУЮ ЗЕМЛЮ В XII–XIII вв.: ОЧЕРК ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ .....

*О.И. Тогоева*

ПУТЕШЕСТВИЕ КАК МИССИЯ В ЭПОПЕЕ ЖАННЫХ Д’АРК.....

*А.А. Пименова*

ПУТЕШЕСТВЕННИК, “ФИЛОСОФЫ” И “ДОБРЫЕ ДИКАРИ”: ЭКСПЕДИЦИЯ Ж.-Ф. ДЕ ЛАПЕРУЗА, 1785–1788 гг. ....

*С.Е. Федоров*

“УВИДЕТЬ ПАРИЖ И...”: ПУТЕВВЫЕ ЗАМЕТКИ ЮНОГО АНГЛИЧАНИНА .....

*А.В. Лазарев*

ПАРИЖ ИНОСТРАНЦЕВ ЭПОХИ ARS ARODEMICA (1570–1670).....

*М.В. Лескинен*

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО РОДНОЙ СТРАНЕ: ОПИСАНИЕ КАК СПОСОБ НАЦИОНАЛЬНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ. ФИНЛЯНДИЯ И ФИННЫ В ИЗОБРАЖЕНИИ З. ТОПЕЛИУСА .....

*Г.П. Мельников*

“ИЗ ЧЕХИИ АЖ НА КРАЙ СВЕТА”: ГЛОБАЛЬНЫЕ ИНТЕНЦИИ МАЛОГО НАРОДА .....

*К.А. Левинсон*

ОБ ОДНОЙ ВЫПАВШЕЙ СТРАНИЦЕ ЧЕЛЮСКИНСКОЙ ЭПОПЕИ..

*А.В. Толстиков*

ИСПЫТАНИЕ ТЕРПЕНИЯ: ПОЭТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ЗЛОКЛЮЧЕ-  
НИЙ ШВЕДСКОГО ПОСОЛЬСТВА В РОССИИ СЕРЕДИНЫ XVI в...

### ИСТОРИК И ВРЕМЯ

ПИСЬМО В.Я. ПРОППА И.П. ЕРЕМИНУ О “ПОВЕСТИ ВРЕМЕН-  
НЫХ ЛЕТ” (*Предисловие и публикация Б.С. Кагановича*).....

О ТРАДИЦИОНАЛИЗМЕ. ДОКЛАД Н.А. СИДОРОВОЙ НА ЗАСЕ-  
ДАНИИ СЕКТОРА ИСТОРИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ В ИНСТИТУТЕ  
ИСТОРИИ АН СССР, 1949 г. (*Предисловие и публикация А.Р. Горяинова*) ..

*И.Г. Галкова*

СОН РАЗУМА.....

*Ю.П. Зарецкий*

С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ТУЗЕМЦА .....

*К.А. Левинсон*

ПОЧЕМУ Я НЕ КОММЕНТАТОР.....

*И.Г. Галкова*

О ТУЗЕМНОМ НАСЛЕДСТВЕ.....

*О.Е. Кошелева*

ДОКЛАД Н.А. СИДОРОВОЙ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙ-  
СКОГО.....

### РЕЛИГИОЗНАЯ КУЛЬТУРА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

*Ж.-К. Шмитт*

ЕХЕМРЛА И ВРЕМЯ (*перевод с французского И.Г. Галковой*).....

*М.РН Майзульс*

РЕАЛЬНОСТЬ СИМВОЛА И СИМВОЛ РЕАЛЬНОСТИ В ВИЗИОНЕР-  
СКОМ ОПЫТЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ .....

### РЕЦЕНЗИИ

*К.Ю. Ерусалимский*

МЕЖДУ КАНОНИЗИРОВАННЫМИ И ДЕМОНИЗИРОВАННЫМИ:  
ТЕРРОР ИВАНА ГРОЗНОГО В КУЛЬТУРНО-СИМВОЛИЧЕСКОЙ  
ИНТЕРПРЕТАЦИИ (*рассуждения над книгой А.А. Булычева*)

---

<i>Булычёв А.А.</i> Между святыми и демонами. Заметки о посмертной судьбе опальных царя Ивана Грозного. М., 2005.....	
<i>С.И. Лучицкая</i>	
“ОЧИСТИТЕЛЬНЫЙ ОГОНЬ” В СРЕДНЕВЕКОВОМ НЕМЕЦКОМ ИСКУССТВЕ.....	
<i>Вегман С.</i> На пути к небу. “Очистительный огонь” в немецком средневековом искусстве. Кёльн; Веймар; Вена, 2003.....	
<i>С.И. Лучицкая</i>	
СЛОВО-ОБРАЗ-ТЕКСТ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ КУЛЬТУРЕ .....	
<i>Кургиманн М.</i> Слово-образ-текст. Исследования о медиальности в высокое Средневековье и раннее Новое время. Баден-Баден, 2006–2007. Т. 1–2	
<i>М.Ю. Парамонова</i>	
НОВАЯ ИСТОРИЯ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ, НАПИСАННАЯ ИСТОРИКОМ ЭПОХИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ .....	
<i>Боргольте М.</i> Христиане, иудеи и мусульмане. Наследие Античности и подъем Запада. 300–1400 гг. Мюнхен, 2006.....	
SUMMARIES.....	
ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАЦИЙ .....	

## CONTENTS

### TRAVEL AS CULTURAL AND HISTORICAL PHENOMENON

*A.V. Tolstikov, O.Ye. Kosheleva*

HOMO VIATOR .....

*A.V. Podossinov*

TRAVELLING THE ANCIENT ECUMENE: THE STRUCTURE  
PRINCIPLES OF GEOGRAPHICAL DESCRIPTION IN POMPONIOUS  
MELA'S *DE CHOROGRAPHIA*.....

*F.V. Prokofiev*

ALLEGORY AND REALITY IN *NAVIGATIO SANCTI BRENDANI*.....

*T.N. Jackson*

THE TRAVEL FORMULA' OF ICELANDIC SAGAS.....

*S.I. Luchitskaya*

TRAVELLING TO THE HOLY LAND IN THE TWELFTH AND  
THIRTEENTH CENTURIES: A STUDY IN THE HISTORY  
OF EVERYDAY LIFE .....

*C.I. Togoeva*

TRAVEL AS MISSION IN THE JOAN OF ARC EPIC .....

*L.A. Pimenova*

THE TRAVELER, THE 'PHILOSOPHERS' AND THE 'GOOD SAVAGES':  
JEAN-FRANÇOIS DE LA PÉROUSE'S EXPEDITION OF 1785–1788....

*S.Ye. Fyodorov*

"TO SEE PARIS AND...": A YOUNG ENGLISHMAN'S TRAVEL  
DIARY.....

*A.B. Lazarev*

PARIS AS VIEWED BY FOREIGNERS IN THE TIME OF *ARS  
APODEMICA* (1570–1640) .....

*M.V. Leskinen*

TRAVELLING THROUGH ONE'S OWN HOME COUNTRY:  
DESCRIPTION AS A MEANS OF REPRESENTING THE NATION.  
FINLAND AND THE FINNS AS DEPICTED BY ZACHARIAS  
TOPELIUS .....

*G.P. Melnikov*

'FROM BOHEMIA TO THE ENDS OF THE EARTH'? A SMALL  
NATION'S GLOBAL INTENTIONS.....

*K.A. Levinson*

A LOST PAGE OF THE *CHELYUSKIN* EPIC .....

*A.V. Tolstikov*

A TEST OF PATIENCE: A POETICAL DESCRIPTION OF THE  
TRIBULATIONS SUFFERED BY A MID-SEVENTEENTH CENTURY  
SWEDISH EMBASSY TO RUSSIA .....

### HISTORIAN AND TIME

VLADIMIR PROPP'S LETTER TO IGOR YEREMIN (*B.S. Kaganovich's  
publication*) .....

ON TRADITIONALISM. PAPER PRESENTED BY NINA SIDOROVA  
AT A MEETING OF THE DEPARTMENT OF THE HISTORY OF THE  
MIDDLE AGES, INSTITUTE OF HISTORY, ACADEMY OF SCIENCES  
OF THE USSR, IN 1949 (*Publication and introduction by A.N. Gorvainov*)

*I.G. Galkova*

THE SLEEP OF REASON .....

*Yu.P. Zaretskiy*

FROM THE NATIVE POINT OF VIEW.....

*K.A. Levinson*

WHY I AM NOT TO COMMENT ON THIS .....

*I.G. Galkova*

ON NATIVE HERITAGE .....

*O.Ye. Kosheleva*

NINA SIDOROVA'S PAPER AND THE HISTORY OF THE RUSSIAN  
STATE.....

### THE RELIGIOUS CULTURE OF THE MIDDLE AGES

*J.-C. Schmitt*

*EXEMPLA* AND TIME.....

*M.R. Maizuls*

THE REALITY OF SYMBOL AND THE SYMBOL OF REALITY  
IN THE VISIONARY EXPERIENCE OF THE MIDDLE AGES .....

### REVIEWS

*K.Yu. Yerusalimskiy*

---

CANONIZED OR DEMONIZED: IVAN THE TERRIBLE'S TERROR  
AS INTERPRETED IN TERMS OF CULTURAL SYMBOLS .....

*Bulychov A.A.* Between saints and demons. Notes on the postmortem fate  
of persons persecuted by Ivan the Terrible. Moscow, 2005.....

*S.I. Luchitskaya*

'THE PURIFYING FIRE' IN GERMAN ART

*Wegmann S.* Auf dem Wee zum Himmel. Das Fegefeuer in der deutschen Kunst  
des Mittelalters. Köln – Weimar; Wien, 2003 .....

*S.I. Luchitskaya*

WORD–IMAGE–TEXT IN THE MEDIEVAL CULTURE

*Curschmann M.* Wort–Bild–Text. Studien zur Medialität des Literarischen  
in Hochmittelalter und früher Neuzeit. 2. Bde. Baden-Baden, 2006–2007 .....

*M.Yu. Paramonova*

A HISTORY OF THE MIDDLE AGES WRITTEN BY A GLOBALIZATION  
ERA HISTORIAN .....

*Borgolte M.* Christen, Juden, Muselmanen. Die Erben der Antike und  
der Aufstieg des Abendlandes 300 bis 1400 nach Christus. München, 2006 .....

SUMMARIES.....

SOURCES OF ILLUSTRATIONS.....

*Г.Г. Мельников*

"ИЗ ЧЕХИИ АЖ НА КРАЙ СВЕТА":  
ГЛОБАЛЬНЫЕ ИНТЕНЦИИ МАЛОГО  
НАРОДА

“Из Чехии аж на край света” (“Z Čech až na konec světa”) – так назвал свою повесть для юношества, изданную в 1888 г., классик чешской литературы, автор исторических романов Алоиз Ирасек. Эта формулировка, заимствованная им из текста XV в., вошла в чешскую историческую науку и стала обозначать феномен чешских путешествий, ярко проявившийся в раннее Новое время и затем оставшийся в системе чешской культуры как один из ее примечательных элементов.

Крупнейший современный чешский историк раннего Нового времени Ярослав Панек, издавший ряд описаний путешествий, предлагает следующее определение феномена путешествия и классификацию путешествий. Он считает, что путешествие – это поездка на определенное время с заранее запланированной программой, предусматривающая возвращение. Необходимо уточнить, что срок путешествия может варьироваться от нескольких дней до многих лет, и не всегда путешествие предусматривает возвращение, так как его вектор может быть направлен в бесконечность (феномен миссионерства). Судя по определению Я. Панека, бесцельное странствование не является путешествием в строгом смысле слова, это скорее кочевой образ жизни, скитальчество, бродяжничество, т.е. цель здесь присутствует не в виде объекта устремления, а как обеспечение существования. Поэтому к путешественникам вряд ли можно относить средневековых и современных бродяг, “скитальцев морей” и т. п. Далее Я. Панек формулирует пять типов путешествий или поездок, считая эти термины синонимами: 1) экономическое (торгово-финансовое); 2) политическое (военно-политическое); 3) с целью обучения; 4) творческое (поездки художников, писателей, ученых); 5) религиозное (церковно-административное).

К первому типу надо отнести, применительно к реалиям раннего Нового времени, все перемещения купечества и предпринимателей, ко второму – посольства, государственные визиты, дальние военные походы небольших отрядов (например, конкистадоры в Америке), к третьему – поездки юношества в университеты и к авторитетным ученым, к пятому – паломничества и посольства церковных организаций<sup>1</sup>. К этой классификации следует добавить путешествие с целью знакомства с миром, в том числе и с целью открытия новых земель и дальнейшего их освоения. Именно этот

вид путешествия определил содержание Великих географических открытий – периода, начинающего Новое время. Однако именно в этих открытиях чехи не участвовали.

Как мне представляется, классификация, предложенная Я. Панеком, более адекватна исторической материи, чем известная “парадигма путешествий” Кевина Мёррея, включающая в себя инициацию, паломничество и авантюру. Инициация (путешествие в лес за получением тайной информации, меняющей социально-возрастной статус человека) может трактоваться как собственно путешествие лишь в метафорическом смысле, приближаясь к топосу “путешествия по жизни”, связанного скорее с литературной рефлексией, приведшей к появлению мотива путешествия как литературного приема<sup>2</sup>. Христианское паломничество (о паломничествах в других религиях почему-то ничего не говорится) К. Мёррей тесно связывает с крестовыми походами, что трудно считать правильным, ибо паломничества в Святую землю существовали задолго до крестовых походов и продолжились после них, вплоть до наших дней. К тому же христианские паломничества не ограничиваются только Палестиной, у них имеются сакральные объекты поклонения и в Европе. Военную кампанию К. Мёррей относит к аванюре, приключению, что не всегда соответствует ее причинам и целям, в которых политика играет одну из определяющих ролей. Верно отмечая, что авантюра предполагает, в отличие от двух других форм путешествия, материальное вознаграждение, К. Мёррей почему-то считает позднейшей исторической модификацией этой формы “большое турне” по странам Европы с целью получения или завершения образования, смешивая тем самым различные мотивации и цели путешествия<sup>3</sup>.

Вернемся к проблеме чешской специфики путешествий. Конечно, у чехов были представлены все виды путешествий, фигурирующие в классификации Я. Панека, и здесь чехи ничем не отличались от других народов. Однако в добавление к этому феномен чешских путешествий обладает определенной спецификой, связанной с константами чешской ментальности. В данной статье, не претендующей на фундаментальное освещение темы, что потребовало бы по меньшей мере создания многотомной монографии, выдвигается гипотеза, стремящаяся объяснить эту специфику не только через ментальность, но и через иные факторы, обусловленные развитием чешской истории в раннее Новое время.

Чехия, по вполне понятным географическо-политическим причинам, никогда не стремилась к захвату колоний, ибо была отрезана от моря и, находясь в системе Империи и одновременно конфликтующая с ней (Гуситские войны XV в., борьба с Габсбургами

в XVI – начале XVII в.), не интересовалась установлением прочных связей с новооткрытыми землями. Также на традиционных международных купеческих путях чехи не фигурировали, ограничиваясь оптовыми закупками товаров в ближайших странах или уже на своей территории<sup>4</sup>. Поэтому никаких объединений “купцов-авантюристов” в Чехии не могло возникнуть. Таким образом, мотивацию экономической выгоды следует минимизировать (если не полностью исключить) из объяснения феномена чешских путешествий.

Далее, по сравнению с соседями (Германия, Речь Посполитая, Венгерское королевство) у чехов обращает на себя внимание прежде всего “количественный фактор”: “малый народ” в раннее Новое время дал такое число путешественников, включая паломников и миссионеров, что может сравниться с вкладом “больших народов”. Немцы, поляки, венгры в XVI–XVII вв. были поглощены внутренними проблемами, борьбой с османскими завоеваниями в Европе, затем шведскими, что вылилось в XVII–XVIII вв. в почти непрекращающиеся войны и восстания, поэтому путешествия здесь не занимали значимого места. Чехия, хотя и стала в начале XVII в. очагом возникновения Тридцатилетней войны, на протяжении всего раннего Нового времени все же не была настолько втянутой в центрально- и восточноевропейские дела, чтобы целиком оказаться поглощенной ими. Чешские путешественники начиная с XVI в. проникали в самые отдаленные уголки Земли, ведомые чистой страстью к путешествиям, далекой от стремления к наживе или распространению своего господства в мире, в отличие от большинства западноевропейских путешественников-авантюристов и конкистадоров. Можно говорить об определенной чешской путешественнической идее, начавшей воплощаться еще с XI в. в паломничествах в Святую землю, затем, в эпоху барокко, давшей миссионеров-мучеников, подвизавшихся в Азии и Америке, и, наконец, трансформировавшейся в просветительско-производственную и гуманитарную деятельность огромного числа чешских инженеров, врачей, этнографов в XIX–XX вв. Служение высшей идее, просвещение “варваров” и реальная, практическая помощь им вне какой-либо своекорыстной цели, внимательное и доброжелательное отношение к аборигенам выгодно отличали чешских путешественников от многих представителей “больших” народов, путешествовавших по миру.

Такая этническая специфика является частичным проявлением чешской ментальности, известной как “чешский гуманизм”, т.е. ориентацией всех ценностей на обычного, “маленького” человека, понимаемого как основной носитель гуманистических цен-

ностей, и его повседневное существование, включающее в себя ориентацию социальных проблем и религиозных ценностей на нужды этого человека, реализуемые через систему общественных связей<sup>5</sup>. Однако, как представляется, наряду с этим существуют и иные факторы, обусловившие эту специфику, что мы и попытаемся выяснить на материале чешских путешествий XV–XVIII вв.

Конечно, предлагаемая гипотеза не претендует на истину в последней инстанции, в какой-то степени она даже провокативна, что, как мне кажется, может вызвать плодотворную дискуссию об этно/национально-исторической специфике путешествий.

Как уже отмечалось, чехи по ряду причин не принимали участия в Великих географических открытиях. В это время перед ними стояли совершенно другие задачи – вернуть утраченные позиции в Старом Свете, в его политической структуре и культурной жизни. Утрата этих позиций произошла в ходе и в результате гуситского движения первой половины XV в., отодвинувшего Чешское королевство с места лидера не только в системе Империи, но и в Европе в целом, которое оно занимало в XIV в. при Карле IV, на обочину европейской системы, так как Чехия превратилась в “страну еретиков”, как ее стали называть в католическом мире. Конфессиональное аутсайдерство, которым обернулась победа гусизма в его умеренном варианте (“чашники”, т.е. утравквисты, причащавшиеся “под двумя видами” – хлебом и вином), низвело некогда могущественное и уважаемое государство к роли оправдывающегося, доказывающего свою правоту и требующего восстановления своего политического статуса. Конфессиональная изоляция страны в христианском мире требовала компенсации – прорыва в культурно-политическое пространство Европы. У гуситов уверенность в своем божественном избранничестве, оформившаяся в конфессию, которая в организационно-каноническом плане так и не порвала полностью с Римом, ко второй половине XV в. стала осложняться формирующимся комплексом, который можно определить как чувство “национальной неполноценности”, испытываемое в европейском масштабе, т.е. при соприкосновении с другими странами. Это прежде всего относилось к политической сфере. Конфессиональные аутсайдеры – гуситы – стремились показать и доказать католической Европе не свою религиозную убежденность, не свою идентичность, а культурно-политическую равноценность. Ранее, в ходе Гуситских войн, табориты попытались показать всему миру свою богоизбранность, выразившуюся в тезисе о том, что Бог явил сначала свою “Божью правду” чехам с тем, чтобы они передали ее другим народам, т.е. осуществили некое послание, миссию, что и послужило причиной “прелестных

походов” гуситов в другие страны – агитационно-военных кампаний, окончившихся, несмотря на частичные успехи, без особых результатов. Религиозное послание гусизма утратило свою актуальность, но, как мне представляется, сам пафос посланничества как вектор движения из центра вовне, в широкий мир, остался в чешском менталитете как коллективное бессознательное, в равной мере присущее и чехам-гуситам, затем протестантам, и чехам-католикам в XVI в. и вылившееся в эпоху барокко в экстатический мессианизм миссионерства.

Как преодоление комплекса “национальной неполноценности” складывается стремление к прорыву из маленькой центрально-европейской страны, не имеющей выхода к морю, в глобальное пространство. Таким образом, этноконфессиональная общность (“страна еретиков”) самоутверждается в европейском масштабе. Казус Чехии здесь уникален, поскольку лишь она в то время являлась территориально и демографически малой, не имеющей доступа к речным и морским путям страной в середине Европы. Иррациональная “жажда странствий” предстает у чехов как стремление вырваться из замкнутого пространства, ограниченно географически и культурно. “Клаустрофобия” приводит к буму чешских путешествий во второй половине XV – начале XVII в.

Иржи из Подебрад, лидер умеренных гуситов, ставший королем, начал планомерно осуществлять задачу равноправного вхождения Чехии в систему европейской политики. Его внешнеполитические инициативы включали в себя также создание, выражаясь современным языком, позитивного образа страны и ее населения в глазах зарубежной Европы. Именно с целью формирования положительного имиджа чехов он 26 ноября 1465 г. отправил на два года своеобразное посольство из Чехии к западноевропейским дворам, а именно в Англию, Испанию и Португалию. Об этом подробно рассказывается в описании путешествия – “Дневнике” Вацлава Шашека из Биржкова, сохранившемся в латинском переводе<sup>6</sup>. Непосредственная цель переговоров – склонить католических монархов на чешскую сторону в ее споре с папой о легитимности гусизма как “земской конфессии”, утвержденной Базельским собором, т.е. не допустить усиления папской власти и превращения ее в надгосударственную. Посольство должно было также внушить симпатии к чехам, развеяв страх перед “еретиками-варварами”. Поэтому большое значение придавалось внешнему облику и поведению послов, путешествовавших по Европе. Во главе посольства был поставлен чешский вельможа Лев из Рожмитала – крупный мужчина во цвете лет, с пышной бородой, галантный и хорошо образованный, как его описывает Вацлав Шашек. Он, как

и другие члены посольства, отлично справился с ролью “репрезентации чеха”, создав позитивный личный имидж.

Традиция “путешествий кавалеров” была продолжена и расширена после вступления в 1526 г. Габсбургов на чешский трон. Фердинанд I хотел доказать всей Европе, что бывшая “страна еретиков”, ставшая в конце XV в. “королевством раздвоенного народа”, т.е. католиков и гуситов<sup>7</sup>, постепенно преодолевает этот баланс конфессиональных сил в пользу католицизма. Хотя это было далеко от действительности, так как в процентном отношении росли ряды сторонников протестантизма (гуситов-новоутраквистов, испытывавших влияние лютеранства, собственно лютеран и особенно Общины чешских братьев), монарх на первый план выдвигал молодых представителей католической чешской аристократии. Именно на них он возлагал двойную задачу, состоявшую как в репрезентации высокого культурно-политического уровня Чехии в Европе, так и в усвоении новой, ренессансной культуры и ренессансного образа жизни для последующего их внедрения в чешскую среду этой аристократией, перед которой открывалась блестящая придворная карьера. Именно такую репрезентативно-познавательную цель преследовала поездка чешских дворян в Италию в 1551 г.<sup>8</sup>

Она была частью большого политического мероприятия – почетного кортежа, состоявшего из представителей земель австрийских Габсбургов, отправившегося в северную Италию, где в Генуе они торжественно встречали Максимилиана II, избранного в 1549 г. чешским королем (коронован в 1562 г.), и его супругу Марию, прибывших из Испании. Серьезная политическая подоплека поездки – трения между испанской и австрийской ветвями дома Габсбургов – стала лишь предлогом для организации этой представительной акции, долженствующей показать силу австрийского дома и его прочные связи с дворянством Центральной Европы. Для чехов создалась замечательная ситуация, позволявшая преодолеть господствовавшее в католическом мире представление о чехах-католиках как о католиках “второго сорта”, живущих в “стране еретиков” и толерантно с ними обращающихся. Поездку подготовил лично Фердинанд I. Подобранный им чешская делегация состояла из 53 панов и рыцарей, представлявших семейства, преданные Габсбургам. Превалировали католики, хотя было несколько гуситов (утраквистов) и лютеран. В возрастном отношении большинство составляла молодежь старше 20 лет, включая членов знатнейших семейств Пернштейнов и Рожмберков<sup>9</sup>. Почти восьмимесячное пребывание за границей имело для чешских дворян большое значение. Они получили всестороннее представ-

ление о ренессансной культуре и образе жизни, стали его адептами и перенесли его в чешскую среду. Благодаря высокому социальному положению и должностям, которые они вскоре заняли в системе земского управления, ренессансный стиль стал в Чехии символом прогресса, европейскости, обрел статус эстетического эталона. Несколько крупнейших дворян, побывавших в Италии в 1551 г., перестроили свои родовые замки в новом стиле, и именно эти замки-дворцы (Телч, Опочно, Литомышль, Чески Крумлов) представляют собой наиболее чистое воплощение в архитектуре эпохи Возрождения вне Италии. Новым явлением чешской социокультурной жизни стало меценатство, укрепились позиции светской музыки, ранее отрицавшейся гуситами за ее “греховность”. Вилем из Рожмберка, которому в 1551 г. было только 16 лет, ставший вскоре одной из ключевых фигур чешской политики, в Италии настолько увлекся светской музыкой, что, вернувшись к себе в Чески Крумлов, основал там музыкальную капеллу, долгое время остававшуюся единственным в Чехии музыкальным коллективом придворного типа<sup>10</sup>. Вскоре он стал крупным дипломатом на службе у Габсбургов, а в 1570 г. занял наивысшую должность в системе земского управления – должность верховного бурграффа<sup>11</sup>.

При венском дворе поездке придавали серьезное значение. Один из известных нидерландских композиторов, работавших в Вене, – Питер Мэссенс (Pieter Maessens) – написал вокальную пьесу в мадригальной форме на латинский текст “Discessu”, где говорится о том, что вся Германия сожалеет об отъезде Максимилиана, Испания страдает от его отсутствия и лишь Италия радуется его прибытию. Заключительная строка “Maximilianus Archidux Austriae” обыгрывается специальным музыкальным приемом “Soggetto cavato”, основанным на сольнизации слогов словесного текста<sup>12</sup>. Как мне удалось установить, сопоставив текст мадригала и описание поездки, он был написан именно в 1551 г. В монографии Я. Панека он не упоминается. Следует отметить, что подобные музыкальные сочинения “на случай”, в отличие от поэтических, появлялись редко, что еще раз подчеркивает большую политическую значимость этого “путешествия кавалеров”.

Акция 1551 г. была существенным, хотя и единовременным, дополнением к таким ставшим тривиальными феноменам, как дипломатические посольства-путешествия и учеба чешских студентов в университетах Италии, что также способствовало приобщению чехов к культуре ренессансного типа. Важно отметить, что в итальянских католических университетах обучались и чехи-протестанты из числа гуситов<sup>13</sup>, что, безусловно, способствовало

приобщению к ренессансным ценностям в среде этой более консервативной конфессии.

Традиционная цель религиозного путешествия-паломничества – Святая земля, в которую чехи начали совершать поездки уже в начале XI в. Раннее Новое время к привычным чисто религиозным устремлениям и задачам паломника прибавляет интерес к окружающему миру как программу, поскольку ранее он лишь спорадически и интуитивно прорывался на страницы описаний паломничеств. С конца XV в. поездки чехов на Восток все более приобретают, выражаясь современным языком, характер “научного туризма” с целью посмотреть мир и увидеть памятники культуры, далеко не всегда связанные с христианством. У гуманистов первостепенный интерес приобретает личное визуальное знакомство с памятниками, точнее руинами, античного мира. Визуализация прочитанного, лицезрение того, что ранее было доступно лишь в дескриптивной форме, того, что почиталось эталонами культуры, манили к себе не менее самих святых мест, но, как правило, разочаровывали чешских гуманистов, видевших взлелеянные в их антикофильских мечтаниях шедевры древности в “мерзости запустения”, в пренебрежении к ним как местного мусульманского, так и христианского населения. Не менее древностей гуманистов интересует современная жизнь экзотического Востока со всеми ее реалиями. Двойное открытие – мира древнего и мира современного – накладывается на старую христианско-паломническую основу, что создает новую, необычайно широкую географически-временную и ценностную перспективу.

Первым чешским паломником, посетившим страны Востока с “научно-ознакомительными” целями, стал Богуслав Гасиштенский из Лобковиц (1461–1510), член католического рода, который в XVI в. вошел в число крупнейших чешских аристократических семейств. Лобковиц – один из первых чешских гуманистов, прославившийся как политик, церковный деятель, поэт, педагог<sup>14</sup>. В последнее время в чешской науке возобладали тенденции, представляющая его как основного протагониста ягеллонской эпохи, что отразила посвященная ему выставка<sup>15</sup>, полемически направленная против старой концепции, которая представляла его лишь как лидера “латинского” гуманизма в Чехии, противостоявшего “национальному” гуманизму гуситов. В 1490–1491 гг. Лобковиц предпринял путешествие в Палестину через Италию, и хотя он не оставил описания этого путешествия, его впечатления повлияли на творчество Лобковица и отразились в его письмах, где содержатся новые формулировки смысла путешествий, определившие их ренессансный дискурс в чешской культуре XVI в. Еще в 1475 г.

Лобковиц отправился в Италию, где и проучился семь лет, так что к началу своего странствия он был уже убежденным “латинским гуманистом”, впитавшим итальянские импульсы. В 1490 г. он через Баварию едет в Италию и посещает Милан, Геную, Рим, Пизу, Болонью, Венецию. Из нее через Крит и Кипр он плывет в Левант, из которого едет в Сирию, Палестину, Египет. На обратном пути из Александрии он посещает Эгейские острова, побережье Малой Азии, Пелопоннес, Стамбул, затем Сицилию и Тунис (ради осмотра развалин Карфагена), откуда возвращается в Италию, потом в Чехию.

Уже сам маршрут, включавший совсем не обязательные для паломников места, говорит о новом для чехов характере путешествия, представляющемся как сплав традиционного паломничества с новым явлением, которое я называю не совсем адекватным, идущим из советского прошлого термином “научный туризм”. Увидеть не только священные для христиан места в Палестине, но и ставшие священными для гуманистов памятники Античности – вот цель вояжа Лобковица. Его интересуют “вообще места, прославленные во множестве сочинений”, такие, как, например, Троя, Константинополь, Карфаген. Он констатирует, что на Ближнем Востоке “находится много достопримечательного”. Одновременно он внимательно всматривается в реальную жизнь, в обычаи и нравы, интересуется политикой. Свое новое кредо путешествия он четко формулирует в противопоставлении со старым, христиански-традиционным, сконцентрированным только на христианских ценностях. Лобковиц пишет своему другу: “Такие места (памятники античности. – Г.М.) мне приносят больше всего радости, мне, с детства занимавшемуся изучением подобных вещей, хотя другим людям это может показаться смешным. Я же не вижу оснований, почему бы я должен стыдиться следовать тем, кто хочет узнать о положении стран и земель, получить представление о людских нравах и обычаях, узнать религиозные традиции и обряды других народов, а не торчать в родной стране в лености и праздности”<sup>16</sup>. Собственно говоря, перед нами новая, гуманистическая, ренессансная программа путешествий, определяющая их новые цели. Эта программа легла в основу путешествия его брата Яна из Лобковиц, состоявшегося в 1493 г., о чем свидетельствует сохранившееся описание этого путешествия, к сожалению, слишком лаконичное.

Впечатления, полученные за время путешествия по Ближнему Востоку и Греции, дали Богуславу Гасиштейнскому сильный импульс для сочинения стихов, в которых усиливаются мотивы, почерпнутые из культур древности. Как бы подводя итоги размыш-

лениям о пользе путешествий в их новой ипостаси, Лобковиц, в то время католический епископ Оломоуцкый, пишет: “Никакое богатство, почести или домашние развлечения не могут сравниться с тем наслаждением, которое я каждый день испытываю благодаря путешествиям и знакомствам со столькими народами и племенами”<sup>17</sup>. Гуманистическая широта мировосприятия доминирует над христоцентризмом традиционного паломничества в Святую землю.

Иными представляются цели паломничества в Палестину чешских протестантов конца XV в. В Святой земле они стремятся найти тот идеал духовной и церковной жизни, который утратил католический мир. Поиск ими “истинного, первоначального” христианства возвращает нас к средневековому топосу “страны обетованной”, но уже отягченному “подпольностью”, “катакомбностью”, ибо открыто в Палестине “истинные христиане” по вполне понятным причинам уже существовать не могут. В 1490 г. в Палестину едет гусит Мартин Кривоустый, о путешествии которого сохранились лишь лаконичные сведения. В 1491 г. туда же отправился Мартин Кабатник из Литомышля, издавший описание своего паломничества в 1539 г. Кабатника послала Община чешских братьев с целью найти там христиан, живущих по принципам апостольской церкви<sup>18</sup>. Кабатник по-средневековому сосредоточен на цели своего путешествия, но уже проявляет интерес к чужим нравам. Его не интересует дорога, древности, обстоятельства путешествия, но он подробно описывает нравы и обычаи чуждых ему народов. Такая двойственная позиция Кабатника очень характерная для чешского гуманизма не католиков, показывает замедленную, но все же эволюцию в сторону восприятия ренессансного дискурса<sup>19</sup>. В этом процессе путешествия сыграли немаловажную роль.

Экспансия чешских путешественников резко нарастает во второй половине XVI – начале XVII в. Для чешских протестантов паломничества в Святую землю становятся своеобразным знаком интеграции в христианские традиции, преодолением обвинений в еретичестве. В связи с посещением протестантами христианских святынь Палестины и Египта встает очень важный вопрос об их поведении там, где массы паломников-католиков определяли стиль поклонения святыням. Как можно судить по описаниям путешествий, чехи-протестанты стремились ничем не выделяться из католической среды: они участвовали в мессах и крестных ходах, пели вместе с католиками молитвы и поклонялись мощам святых. По текстам иногда даже не вполне понятно, к какой конфессии принадлежал чешский паломник. Так, например, обстоит дело с автором замечательного описания путешествия под названием “Путь

из Праги в Венецию, а оттуда потом по морю аж до Палестины, то есть до края, когда-то еврейского, до Святой земли, до города Иерусалима к Гробу Господню, путь, который с помощью всемогущего Господа Бога счастливо осуществил Олдржих Префат из Влканова Лета Господнего 1546”. Далее на титульной странице указывается цель книги: “В этом рассказе содержатся описания многих городов и других вещей, о которых часто упоминается в Ветхом и Новом Заветах и которые необходимо знать для лучшего понимания Священного Писания”<sup>20</sup>. Кстати, эту же практическую цель преследовали издания путеводителей по Иерусалиму, которые неоднократно осуществлял крупнейший пражский книгоиздатель второй половины XVI в. Даниэль Адам из Велеславина и которые, поскольку были чешскоязычными, предназначались для чехов-некатоликов. Сочинение Олдржиха Префата из Влканова, написанное по-чешски, было издано в Праге в 1563 г.<sup>21</sup> Об авторе известно, что он был богатым пражским горожанином, учился в Виттенберге (значит, протестант?), где изучал математику, потом путешествовал по Италии и Испании, где посетил знаменитые паломнические центры Лорето и Сантьяго-де-Компостела (значит, перешел в католичество?). Он толерантен ко всем христианским церквам, в Палестине участвует в католических обрядах. В своем описании он воспринимает Святую землю сквозь призму библейской истории. Для автора характерна не только набожность, но и наблюдательность, интерес к повседневности, точность наблюдений, умеренная критичность в оценках. Возвышенность чувств сочетается у него с рациональностью описания<sup>22</sup>.

Наиболее интересное и ценное для чешской культуры описание путешествия в Святую землю оставил Крыштоф Гарант из Полжиц<sup>23</sup> – политик, ученый, композитор, художник из рыцарского сословия. До 1618 г. он был католиком, затем перешел к утраквистам и стал одним из вождей чешского антигабсбургского восстания 1618–1629 гг., за что и был казнен победившим Фердинандом II. Свою карьеру Гарант начал в 1570-е годы, когда вместе с двором эрцгерцога Фердинанда Тирольского, брата Максимилиана II и местоблюстителя чешского престола в 1547–1566 гг., он объездил Германию и Италию, изучив попутно семь языков, что значительно облегчало ему контакты с местным населением. В 1598 г. он осуществил поездку в Палестину и Египет, описание которой, сделанное по-чешски в 1608 г., снабдил гравюрами по своим рисункам, сделанным с натуры. Полное название-аннотация книги таково: “Путешествие, или Путь из Чешского королевства в город Венецию, оттуда по морю до Святой земли, земли иудейской и далее до Египта и великого города Каира, потом на

гору Ореб, Синай и святой девы Екатерины в Пустынной Аравии лежащей<sup>24</sup>, на два тома разделенное и счастливо осуществленное благородным паном, господином Крыстофом Гарантом из Полжиц и Бездружиц и на Печке и т.д. советником и коморником Его Милости Императора Римского, в лето 1598, украшенное прекрасными фигурами, также содержится краткое описание некоторых народов и других различных вещей<sup>25</sup>.

Гарант как гуманистически образованный интеллектуал продолжает скорее линию поэта Лобковица, чем бюргера Префата, поскольку для него предметом первостепенной важности становится географическое пространство, наполненное историческими и этнографическими феноменами. Его рефлексия по поводу “древностей Востока” широка по охвату и глубока по мысли. Сначала Гарант описывает путешествие по Италии. Он превозносит искусство Венеции, мозаики которой сравнивает с мозаикой над южным входом в собор св. Вита в Праге, которую тоже делали венецианцы. Он фиксирует все подробности и детали, вплоть до размеров архитектурных сооружений. Его интересует также повседневная жизнь Италии, но прежде всего церковная музыка. Оценку Италии Гарантом можно назвать общегуманистической, в ней полностью отсутствует конфессионализм, а на первый план выходит искусство как духовная ценность. Гарант приспосабливается к условиям путешествия, переодевшись наподобие монаха-францисканца, чтобы не вызывать лишних вопросов у турок, на ночлег останавливается в палестинских монастырях. Важно отметить, что на Востоке он чувствует себя представителем западноевропейской христианской цивилизации, превосходящей не только арабскую, но и восточно-христианскую. Его паломничество имело не только и не столько религиозный, сколько культурно-исторический характер. Изданием описания своего путешествия, выгодно отличающегося от других описаний, Гарант утвердил чешский вклад в европейское описание паломничеств.

Идеологема интеграции чехов в христианскую Европу посредством путешествий и паломничеств парадоксальным образом трансформируется в эпоху барокко, после рекатолизации Чехии, в широкое миссионерское движение, направленное из Праги в Америку и Азию. Теперь чехи-католики стремятся показать всему миру, причем не только христианскому, превращение “страны еретиков”, усугубивших свои грехи восстанием против католического монарха в начале XVII в., в “аванпост” распространения католицизма в глобальном масштабе. Тем самым чехи осуществляют “искупление вины”. Блудный сын католической церкви становится пламенным миссионером, представитель чешского

этноса превращается в целеустремленного проповедника католицизма. Чешские миссионеры<sup>26</sup>, иезуиты и францисканцы, едут в Южную Америку, Гоа, на Филиппины. Чрезвычайно важно, что собственно миссионерская деятельность сочетается у них с традиционным для путешественников стремлением познать мир и описать его. Они занимаются практической цивилизаторской деятельностью: основывают больницы, аптеки, школы для местного населения, улучшают бытовую сторону его существования, изучают быт и нравы “диких” народов, уважительно относясь к их этнокультурной специфике и стремясь понять их ментальность. Они продолжают научно-географическое описание Земли. Карел Славичек в Китае занимается астрономическими наблюдениями и пишет сочинение о китайской музыке. Августин Штробах в 1672 г. создает описание Марианских островов в Океании, Самуэль Фриц в конце XVII в. картографирует Амазонку. Иезуит Йозеф Нойман составляет описание Латинской Америки “*Historia seditionum...*” (издано Пражским университетом в 1730 г.). Список можно продолжать. Вообще чешская провинция Общества Иисуса становится одним из крупнейших центров подготовки миссионеров для Америки в масштабе всего Старого Света. Это миссионерство, называемое внешним, в отличие от внутреннего, направленного на укрепление рекатолизации в стране, выводит чехов в лидеры мировой христианизации. В 1693 г. группа чешских иезуитов (7 человек) направилась в Южную Америку. Среди племени мохо особо успешно работал Антонин Борыня из Льготы.

Пассионарность чешских иезуитов сочеталась с их стремлением к жертвенности, с жадой мученичества за веру. Действительно, мученический венец часто завершал их деятельность. Об этом повествуется в ставшей знаменитой книге М. Таннера “*Societas Jesu...*”, иллюстрации к которой сделал великий чешский художник Карел Шкрета, изобразив на них мученическую смерть многих иезуитов-миссионеров<sup>27</sup>. Этой же теме целиком посвящен интерьер рефектория францисканского монастыря в Угерском Градиште<sup>28</sup>, стены которого покрыты росписями с аналогичными сюжетами, кроме того, по всему периметру обеденного зала расположены деревянные ящички-мощехранилища с останками замученных и описаниями их подвигов во имя веры. Так в одном зале оказались собранными изображения (правда, условные) многих частей земного географического пространства, где путешествовали и подвизались миссионеры. Конечно, позитивное отношение к аборигенам было свойственно и миссионерам, пришедшим из других стран Европы, однако среди них очень часто встреча-

лись жесткие христианизаторы – тип миссионера, совершенно несвойственный выходцам из Чешского королевства.

В XVII – начале XVIII в. значительно расширяется география чешских путешествий, которая включает всю Европу вплоть до Московии, а также Америку, Азию (Индия и Китай, Филиппины), затем Австралию и Новую Зеландию.

Чешский прорыв XVI–XVII вв. во всемирное географическое пространство<sup>29</sup>, который выдающийся историк Йозеф Полишенский назвал “чешской тягой к путешествиям”, имел скрытой целью преодоление комплекса малого народа, осложненного сознанием своей неоправданной богоизбранности (гусизм). Малый народ утверждает свое бытие в мире, на который он уже не может влиять политически, через проникновение в самые отдаленные его уголки мира. Это детерминирует страсть чехов к “культурным путешествиям” как к средству познания мира и одновременно самоутверждения в нем посредством, по сути, научно-исследовательской работы, а также просветительства, принявшего вид миссионерства у чехов-католиков. В этом же типе самооправдания и самореализации в большом масштабе заложены основы точности гуманистических описаний Святой земли и пламенность миссионеров эпохи барокко.

Погружение в открывшиеся пространства привело в итоге к преобладанию рационально-научного дискурса, что обусловило в XIX–XX вв. феномен путешествий в научных целях в отдаленные регионы мира, ставший значимым компонентом чешской культурной ментальности. Достаточно указать на такие явления, имеющие мировое значение, как деятельность Э. Голуба в Черной Африке, Й.Е. Велзла у эскимосов, Ф. Блументритта на Филиппинах, наконец, путешествия Я. Ганзелки и М. Зикмунта, книги которых значительно расширили узкий горизонт читателей социалистического лагеря.

<sup>1</sup> Pánek J. Výprava české šlechty do Itálie v letech 1551–1552. Praha, 1987. S. 8.

<sup>2</sup> Забогонская И.Л. Путешествие как литературный жанр и мотив // Проблемы истории литературы: Сб. статей. М.; Новополюк, 2008. Вып. 20. С. 7–20.

<sup>3</sup> Murray K. Life as Fiction. Melbourn, 1990. P. 2, 3, 25.

<sup>4</sup> Janáček J. Dějiny obchodu v předbělohorské Praze. Praha, 1955. S. 11–29.

<sup>5</sup> Понятие “чешский гуманизм” прочно закрепилось в чешской мысли начиная с конца XIX в. благодаря широкой дискуссии о проблеме чешской идентичности, нашедшей свое наиболее полное выражение как “спор о смысле чешской истории”, а также в работах выдающегося философа, социолога, первого президента Чехословакии Т.Г. Масарика. См.: Spor o smysl českých dějin. 1895–1938. Praha, 1995; Masaryk T.G. Jan Hus, naše obrození a naše reformace. Praha, 1990.

- <sup>6</sup> *Šašek z Birkova V. Deník o jízdě a putování pana Lva z Rozmitálu a z Blatné z Čech až na konec světa* / Ed. F. Svejkovský. Praha, 1951.
- <sup>7</sup> *Království dvojího lidu. České dějiny let 1436–1526 v soudobé korespondenci.* Praha, 1989. См. рец. Г.П. Мельникова на это издание: Советское славяноведение. 1991. № 2. С. 111–112.
- <sup>8</sup> Ей посвящена специальная монография: *Pánek J. Výprava...*
- <sup>9</sup> *Ibid.* S. 56.
- <sup>10</sup> *Ibid.* S. 81.
- <sup>11</sup> Подробнее о нем см.: *Pánek J. Poslední Rožmberkové.* Praha, 1989.
- <sup>12</sup> Music for the Court of Maximilian II. [Буклет к CD: Hyperion CDA 67579. Текст мадригала – С. 17, текст статьи, автор S. Rice, – С. 5]
- <sup>13</sup> *Pešek J., Šaman D. Studenti z Čech na zahraničních universitách v předbělohorském čtvrtstoletí // Ústecký sborník historický. Ústí nad Labem, 1983. S. 173–218.*
- <sup>14</sup> О нем см.: *Мельников Г.П. Культура Чехии X – начала XVII в. // История культур славянских народов. М., 2003. Т. I: Древность и Средневековье. С. 351; Он же. Патриотизм и европейскость в поэзии Богуслава Гасиштейнского из Лобковиц // Славянский альманах 2002. М., 2003. С. 299–310.*
- <sup>15</sup> *Básník a král: Bohuslav Hasištejnský z Lobkovic v zrcadle jagelonské doby.* Praha, 2007. Необходимо отметить, что концептуально проект не во всем удался, так как он представил скорее эпоху, чем деятельность самого Лобковица в его связях с нею.
- <sup>16</sup> *Dopisy Bohuslava Hasištejnského z Lobkovic // Mezi houfy lotrů se pustiti... České cestopisy o Egyptě 15.–17. století / Ed. L. Storchová. Praha, 2005. S. 220.*
- <sup>17</sup> *Ibid.* S. 223.
- <sup>18</sup> *Martin Kabatník. Cesta z Čech do Jeruzaléma a Egypa // Ibid.* S. 1–20.
- <sup>19</sup> *Nahodil I. Místo a význam cestopisu Martina Kabatníka v dějinách české ethnografie // Český lid. 1952. № 39. S. 152–164, 202–211.*
- <sup>20</sup> *Prefát z Vlkanova O. Cesta z Prahy do Benátek... Praha, 2007. S. 7.*
- <sup>21</sup> *Ibid.* S. 476.
- <sup>22</sup> *Vočková H. Člověk na cestě // Ibid.* S. 431–474.
- <sup>23</sup> О нем см.: *Мельников Г.П. Гарант из Полжиц // Культура Возрождения. Энциклопедия. М., 2007. Т. 1. С. 390–391; Koldinská M. Kryštof Harant z Bezdruzec. Cesta intelektuála k popravě. Praha, 2004.*
- <sup>24</sup> Автор имеет в виду гору Хорив, по которой в Чехии во времена гуситов одна из возвышенностей была названа Ореб (чешская транскрипция этого названия), и гору Синай, на которой находится знаменитый монастырь св. Екатерины, при этом допуская неточность, так Синайский полуостров и Аравийская пустыня – разные локусы.
- <sup>25</sup> Единственное новое полное издание вышло в середине XIX в.: *Harant z Polžic a Bezdruzic K. Cesta z Království českého do Benátek, odtud do země svaté... / Ed. K.J. Erben. Praha, 1854–1855. D. I–II. Значительная часть текста издана недавно в кн.: Mezi houfy lotrů se pustiti... České cestopisy o Egyptě 15.–17. století / Ed. L. Storchová. Praha, 2005. О восприятии Востока Гарантом см. статью: *Storchová L. “Mezi houfy lotrův se pustiti...”. Cizí orientální a “mahumetánský” Egypt v českých cestopisech // Ibid.* S. 407–445.*
- <sup>26</sup> Тема чешского миссионерства затрагивается в следующих работах: *Kalista Z. Čechové, kteří tvořili dějiny světa.* Praha, 1939; 2-е изд. – 1999. S. 183–191; *Čornejová J. Tovaryšstvo Ježíšovo. Jezuité v Čechách.* Praha, 1995. S. 120–142.
- <sup>27</sup> *Тананаева Л.И. Карел Шкрета. М., 1990. С. 209.*
- <sup>28</sup> *Stehlík M. Refektář františkanského kláštera v Uherském Hradišti. Brno; Uherské Hradiště, 2002.*

<sup>29</sup> Этой теме посвящены следующие, кроме уже указанных, издания источников: *Cesty ve znamení kříže. Dopisy a zprávy českých misionářů 17. a 18. věku ze zámožských krajín* / Ed. Z. Kalista. Praha, 1941; *České výpravy za neznámými světy* / Ed. B. Horák. Praha, 1942; *Cesty do Svaté země* / Ed. J. Dostál. Praha, 1948; *Jak staří Čechové poznávali svět* / Ed. Z. Tichá. Praha, 1985; *Česká touha cestovatelská. Cestopisy, deníky a listy ze 17. století* / Ed. Š. Binková, J. Polišenský. Praha, 1989.